

ПРЕКРАСНЫЙ МИР, ГДЕ ЖЕ ТЫ: НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Продюсер издательства «Альпина. Проза».

Новинки литературы для взрослых

ЕКАТЕРИНА МАНОЙЛО, «ОТЕЦ СМОТРИТ НА ЗАПАД»
(«АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Первый роман выпускницы Литературного института имени Горького (семинар Павла Басинского) принес Екатерине и первое место в премии «Лицей», и внимание критиков, и, как показывают комментарии в социальных сетях, читательский интерес. Ее роман «Отец смотрит на запад» очень напоминает автофиншен, но им не является. Да, героиня порой очень близко подходит к образу автора, иной раз практически смыкается с ним, но текст живет по законам романной прозы и по законам художественной достоверности.

Героиня Катя родилась в маленьком русском городе на границе с Казахстаном. Национальные традиции двух стран здесь в равной степени сильны, да и в ее семье тоже: мама русская, а папа казах. Общество здесь предельно патриархально: первенцев-девочек называют именами, которые переводятся как «пускай будет сын», домашнее насилие в порядке вещей (потому что называется не насилием, а воспитанием), а вырваться отсюда очень трудно. Биографические детали и личный опыт становятся здесь исходным пунктом, болевой точкой, которая толкает авторскую фантазию.

Роман начинается с того, что на глазах у девочки гибнет ее маленький брат, и семья после этого распадается. Катя уезжает с бабушкой в Москву и только здесь наконец впервые ощущает свободу и настоящую жизнь. Она не будет простой и безмятежной: в столице свои сложности и опасности, да и в родной Орск по семейным делам вернуться ей еще придется. Возвращение это трудно назвать триумфальным, но именно благодаря этой

поездке девушка впервые осознает и примет себя по-настоящему, впервые почувствует, что, несмотря на среду и воспитание, несмотря на привычки и общественное мнение, она имеет свой голос. Тема обретения собственного голоса в этом романе очень важна — за многих героинь, молчаливых, безъязыких, говорит и поет погибший брат героини, трехлетний Маратик.

Екатерине Манойло удалось соединить социальную историю, национальный колорит, психологизм в по-настоящему художественной прозе. Это не публицистика о домашнем насилии, это не очерк о нравах приграничного городка, это серьезный и цельный роман, на который нельзя было не обратить внимание: выбор издателей, жюри и литературных критиков тому свидетельство.

«Повзрослев, Катя часто думала, как ей не повезло, что она родилась в своей семье первой. Девочка-первенец воспринимается как неудача и в лучшем случае как нянька для будущего мальчика.»

И действительно, зтайне от мужа, который мечтал о наследнике, Наина просила у Богородицы девочку, приговаривая: “Сначала няньку, а потом ляльку”. Серикбай был уверен, что родственники, так и не простившие ему русскую жену, смягчатся после рождения сына. Он часами представлял, как будет брать сына с собой в поездки, научит его седлать коня, забивать овец, да и просто разбираться в людях. С такими мыслями он бежал к роддому в день рождения Кати.»

САЛЛИ РУНИ, «ПРЕКРАСНЫЙ МИР, ГДЕ ЖЕ ТЫ» («СИНДБАД»)

Когда мир натится в пропасть, если и может что-то поддержать и спасти — это разговоры с друзьями. Именно так и назывался первый роман Салли Руни. Третьему роману это название тоже очень бы подошло.

Четверо молодых людей — Элис, Феликс, Айлин и Саймон — представители поколения миллениалов, голосом которых критики уже давно прозвали ирландскую писательницу. Они встречаются, расходятся и разъезжаются, а еще пишут друг другу письма по электронной почте, в которых рассказывают друг другу о своей жизни, страхах и мечтах. Попытки ухватить момент, описав его, попытки вербализировать свои желания, попытки почувствовать себя не одиночными — письма выполняют множество функций для героев и рассказывают читателю их истории. Своеобразным ключом к роману становится фрагмент стихотворения Рильке, которое Элис цитирует в письме к Айлин: «Нто и теперь один, и без угла, / тот будет знать всегда одни скитанья; / тот будет наждой ночью, досветла, / писать кому-то длинные посланья, — / и проходить в аллеях, средь молчанья, / где буря много листьев намела». Все герои Руни — скитальцы по жизни, они находятся в поисках любви, предназначения, дома, себя самих. Они живут обычной жизнью, обсуждают обычные вещи, испытывают очень понятные чувства — и именно поэтому в них невозможно не узнать себя. Салли Руни как никто умеет не усложнять, она работает на том уровне простоты и прозрачности, чтобы читатель совершенно не задумывался о том, как сделаны ее романы, какие приемы в них работают, но сразу проваливался в создаваемый ею мир.

«Они с Саймоном договорили, но она так и сидела, и молчала в трубку, и он тоже ничего не говорил, оба притихли. Ну, сказал он наконец. Я тебя отпускаю. Пару недель спустя Айлин и Эйдан расстались. Он говорил, что слишком много всего навалилось и им обоим нужно личное пространство. Он вернулся жить к родителям, а она переехала в северную часть города, в трешку с кухней-гостиной и двумя спальнями, одну из которых уже занимала женатая пара. Лола и Мэттью решили летом сыграть скромную свадьбу. Саймон молниеносно отвечал на письма, время от времени приглашал Айлин пообедать и не очень распространялся про свою личную жизнь. Пришел апрель, и многие друзья Айлин уже покинули Дублин или собирались уехать. Она ходила по тематическим вечеринкам в темно-зеленом платье с пуговицами или в желтом платье с поясом того же цвета. В гостиных с низкими потолками и бумажными абажурами люди заговаривали с ней про рынок недвижимости. Моя сестра выходит замуж в июне, сообщила она. Очень волнительно, отвечали ей. Ты, наверное, очень счастлива за нее. Нда, странное дело, говорила она. Но нет».

ЭЛОА ОДУЭН-РУЗО, «ПОДСТАВЬ КРЫЛО ВЕТРУ» (POLYANDRIA NO AGE)

Новидный период оказался весьма пассионарным и дал новые темы и время для написания целого ряда книг. Один из таких пандемийных романов — «Подставь крыло ветру» молодого французского автора Элоа Одуэна-Рузо. События его разворачиваются через двадцать лет после страшной эпидемии, пришедшей из Ирландии и охватившей весь мир. Источником заразы стали домашние птицы, прежде всего утки. С тех пор их разведение строго запрещено, но одну специально выращивают и откармливают ежегодно, чтобы принести в ритуальную жертву в День всех святых. Птицу выпускают в толпу, снабдив датчиками перемещения. Тот, кто сможет ее поймать, получит крупный денежный приз и отужинает с самим президентом. Толпа преследователей теряет контроль и бьется не на жизнь, а на смерть. Глазами птицы, обреченной на гибель, мы видим

очень разных людей как кадры в кинохронике, не успевая толком сфокусироваться и понять их. Но есть несколько человек, странных, маргинальных, не вписывающихся в систему, которые захотят спасти птицу. А через нее и спастись сами. Это роман о психологии толпы, агрессии и жестокости — и всем том, что может им противостоять.

«Утка стала запретным животным, так произошло почти везде. Утку проклинали, а потом каждый год стали церемониально уток убивать. Целью всегда было уничтожить птицу, символически ответственную за все наши несчастья. Эти праздники привлекали чем-то сакральным, придумали настоящий ритуал, который приобрел в разных местах особые черты. В Вашингтоне президент забивал на глазах у толпы индейку, останки которой доставались собакам Белого дома. Лишь во Франции и Китае люди осмеливались есть плоть принесенного в жертву животного. В Китае президент с супругой ели утку на манер императоров: по-пекински и в три приема. В Париже выпускали утку, и тот, кому удалось ее поймать и принести живой в “Тур д’Аржан”, получал привилегию разделить трапезу с президентом, но сначала птицу готовил шеф-повар по очень старому рецепту из Руана, где говорится, что птицу надо подавать в ее собственной крови».

РАГИМ ДЖАФАРОВ, «ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ДНИ»
(«АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Еще один пример психологической прозы в самом бунвальном понимании. Это роман, исследующий границу психологической нормы и природу творчества как такового, а еще книга о насилии и свободе. Роман о писателе — особый и отдельный жанр, и тут он получает новое воплощение. Герой Джафарова имитирует психологическую нестабиль-

ность, для того чтобы попасть в психиатрическую клинику и точнее описать пребывание там. Его герой — тоже пациент клиники и тоже писатель. Таким образом, Джафаров заключает три сюжета один в другой по принципу рекурсивного изображения. Этот автор уже зарекомендовал себя как мастер диалогов, но в этом романе, помимо них, следует отметить блестящий внутренний монолог героя, его постепенное погружение в себя и постепенное открытие в себе бездны, о которой он совершенно не догадывался раньше. Можно притвориться сумасшедшим, чтобы попасть в клинику, но притвориться нормальным, чтобы выйти из нее, гораздо труднее.

«Чтобы чем-то занять свой ум, я принялся размышлять о будущей книге. Главный герой, пусть пока его зовут Андрей, потом что-нибудь более интересное, говорящее и символичное придумаю, — писатель. Плохо, конечно, писать книги про писателей... Но в целом-то — хочу и пишу!»

Итак, Андрей. Жена настояла, чтобы он сходил на обследование к психиатру, а там он попал под недобровольную госпитализацию. Маниакально-депрессивное расстройство со всякими там суицидальными отягощениями. Тут еще надо проконсультироваться, как это все работает. Иногда полезно дружить с психиатрами.

Итак, в психушке Андрея хотят лечить, а он лечиться не хочет. Он убежден, что его болезнь напрямую связана с талантом. Нельзя ему укольчики и колеса, нельзя.

А антагонистом будет врач, который пытается Андрея вылечить. И вот посмотрим, кто кого. Андрей врача убедит, что суицидальные мысли и нестабильное состояние — это часть таланта и, может, даже его основа, или, наоборот, врач вылечит талант писателя».

ЮЛИЯ ИДЛИС, «ГАРТОРИНС» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

«Перенос» — первая часть задуманной автором трилогии, действие которой происходит в будущем на двух планетах — на Земле и Гарторинсе. На Земле люди живут в гигантских городах-мегаполисах и умеют лечить практически все типы заболеваний. Но ожидаемая перспектива вечной жизни не срабатывает: абсолютно здоровые люди вдруг иногда умирают. Оставляя на Земле только телесную оболочку, сам они переносятся на Гарторинс, где их душа и разум вселяются в новое тело, совсем не похожее на земное, изменчивое и странное.

А там, где есть некий процесс, очень быстро возникает легальная и нелегальная индустрия. Одни делают из процесса переноса шоу, а другие строят теневой бизнес по перемещению беглых преступников с Земли. На фоне этого фантастического мира разворачивается человеческая история главных героев — психотерапевта Эштона и его жены Мии, которые после потери маленького сына снова ждут ребенка. Но обстоятельства и на этот раз не позволят им насладиться тихим семейным счастьем. Остросюжетный роман с тщательно прописанным сеттингом, в котором поначалу непросто сориентироваться, но это первоначальное усилие — и необходимое условие для понимания сюжета, и инвестиция в будущее чтение: роман по закону сериала оборвется на самом интересном месте, и читателю придется ждать продолжения: еще две книги впереди, а это значит, что и в экшене, и в психологии персонажей недостатка не будет.

«Я перестану видеть почти сразу.

Без зрения и копыя против взрослого разъяренного самца у меня практически нет шансов. Мы оба это знаем. Птенцы, пока маленькие, пьют сок хондрового дерева, а вот взрослые особи уже всеядны. Свою добычу они убивают ударом клюва, раскалывая череп, как скорлупу яйца.

Я всё еще не слышу, что глок делает, но могу попытаться представить. От того, насколько точно я угадаю, что происходит сейчас в его маленькой костяной голове, зависит моя жизнь.

В оглушительной багровой тишине, до краев наполненной удушающим запахом перьев, есть только биение моего сердца: один, два, три. Пожалуй, хватит.

Бросаясь влево. Чувствую, как острая грань клюва скользит по черепу, разрезая мне кожу. Глухой удар – трехгранный клюв входит глубоко в ствол дерева, там, где только что была моя голова. У меня появилось мгновение».

МИХАИЛ ТУРБИН, «ВЫШЕ НОГИ ОТ ЗЕМЛИ» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Роман Михаила Турбина, выпускника Creative Writing School, занял второе место в премии «Лицей» этого года. Его герой — детский реаниматолог Илья Руднев — врач по призванию. Он буквально горит на работе, но не только потому, что это дело его жизни. Это прежде всего его способ бегства от себя самого и собственной драмы — недавней потери жены и маленького сына. Но убежать не удастся, работа отвлекает лишь до поры до времени, пока в больницу не привозят мальчика, очень похожего на его ребенка. Мальчика, про которого ничего не известно, который охвачен едва ли не мистическим флером и которому очень хочется помочь.

Книгу Турбина можно приводить в пример как блестяще придуманный и детально продуманный роман: каждая деталь в нем работает, каждая — на своем месте. Это психологическая проза, которая в нужные моменты умело притворяется то триллером, то любовным романом, то детективом. Но главная удача и главное качество прозы Турбина — его умение вызвать подлинное сочувствие и сопереживание героям, воздействовать на правильные читательские рецепторы, «чувства добрые лирой пробуждать».

«Он вытащил на свет мальчика. Где-то под локтем жгло, и рука не держала. Руднев перехватил ребенка здоровой рукой и уперся спиной в стену. Он огляделся. Бырдин был уже здесь, он держал коленом собаку и кругло тарачился на Илью. Заза, бросив лопату, шел к Илье на помощь.

Маша, увидев мальчика, тоже спешила навстречу. Все что-то говорили ему, и он не мог понять, чего они хотят. И когда Маша протянула руки, чтобы забрать Костю, Руднев только крепче прижал малыша и пополз вдоль стены, рисуя на белом алый пунктир. Его била дрожь, и он повторял свое: “Не дам. Не дам”.

— Илюш? Илю-ю-юш!

Руднев кивнул.

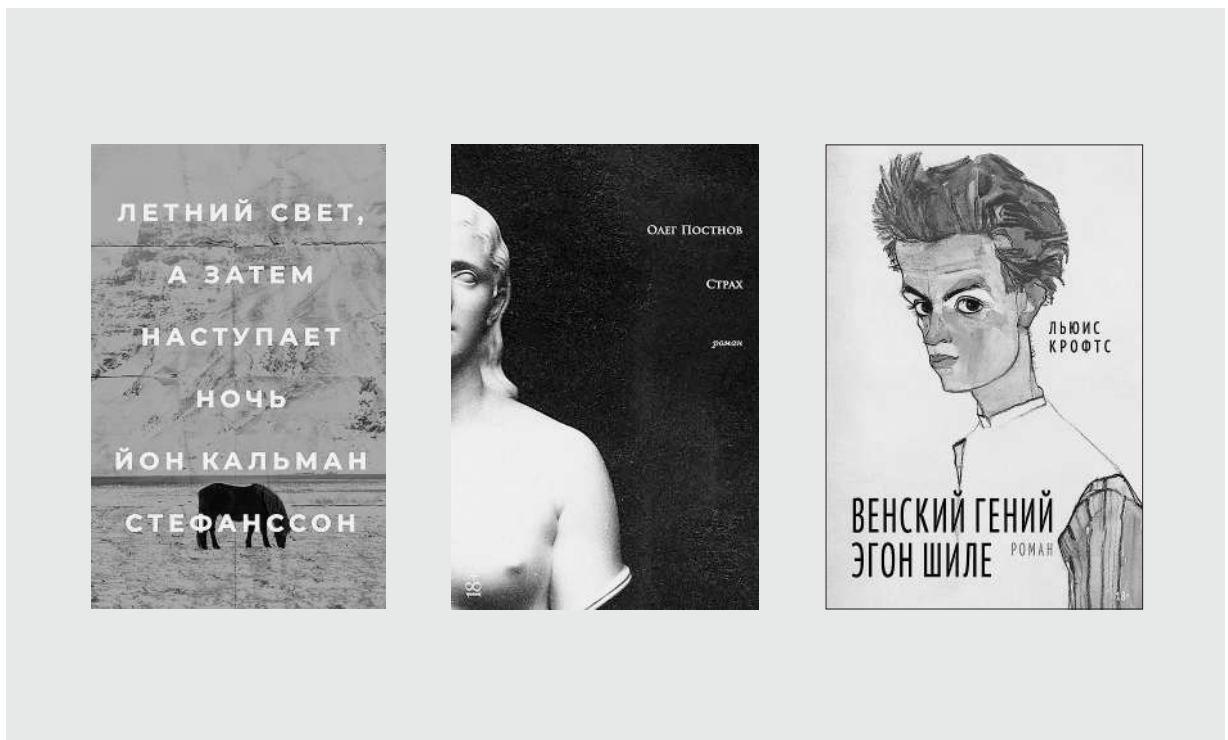
— Ну ты как?

Руднев жевал слюну и уворачивался от взгляда заведующего. Вправо-влево. Глаз его, мутный, раздраженный, то ходил по стенам, то закатывался от слез. Он сидел с перевязанной и туго стянутой биндом рукой. Из повязки торчали синие пальцы».

ЙОН КАЛЬМАН СТЕФАНССОН, «ЛЕТНИЙ СВЕТ, А ЗАТЕМ НАСТУПАЕТ НОЧЬ» (POLYANDRIA NO AGE)

Исландия и исландская литература, пожалуй, лучший способ психологического эскапизма. Максимально незнакомая, странная северная страна. Небольшая деревня на краю света как замкнутый мир, ограниченный природой и вписанный в нее. Герметичный роман среди бескрайних природных красот: в самой деревне жизнь замерла, здесь никогда ничего не меняется. Символом замершей жизни становится, с одной стороны, отсутствие в деревне кладбища, потому что смерть — это важная перемена. А с другой — наличие фитнес-клуба: то есть единственно возможное здесь движение — это движение в замкнутом пространстве, движение как самоцель, не для перемещения. Впрочем, когда директору вязальной фабрики начинают системно сниться сны на латыни, он все-таки уезжает в город, чтобы выучить этот язык и разобраться в происходящем ночами в его сознании. В этой стабильности и кроется главный писательский прием Стефанссона: на фоне мнимой стагнации он рисует яркую галерею персонажей, очень разных, очень запоминающихся, каждый из которых вступает во взаимодействие с окружающим пространством, с уходящим и замедляющимся временем, с собственными мыслями и снами. Каждому из нас есть с чем бороться, даже если только с самими собой. Особенно если только с самими собой.

«Нас хоронят хаотично по всей округе, вы ведь помните, что в нашей деревне нет и никогда не было кладбища, и заранее не известно, куда попадем, зависит от того, где окажется ближайший священник. Хуже всего умереть в середине лета, не потому что светло и птицы поют, а из-за сенокоса, священники ведь одновременно фермеры и не очень хотят тратить погожий день на мертвого жителя деревни. Однако Ханнес покинул этот

мир света и тени в самом начале зимы, все вокруг засыпано смерзшимся снегом, мир белый, как крылья ангела, и найти священника не проблема: Йонас мог обратиться на восток, юг или север, только не на запад, потому что там океан».

ОЛЕГ ПОСТНОВ, «СТРАХ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Роман Олега Постнова «Страх» уже выходил двадцать лет назад, но остался почти незамеченным. Точнее, его заметил очень узкий круг читателей-эстетов, посмановал и оставил себе как личную ценность.

«Трудолюбивый, холодный, рассудительный, но чутко прислушивающийся к негромкому шепоту непостижимого, Постнов, умудрившийся к своим тридцати шести годам заключить своего рода “договор о ненападении” с обыденностью, надежно спрятался в тени своего лучшего творения: той личности, которую увлеченный в его сети читатель несомненно сочтет Автором... <...> Читатель — рыба, для которой величайшая удача угодить в сети хорошего рыболова, а Олег Постнов — рыбак первоклассный. Мистический реализм его произведений воздействует на читателя, как любовное зелье, приготовленное умелой лесной колдуньей: невозможно определить, когда и как попал в плен, но бежать из этого плена не хочется» (Макс Фрай).

«“Страх” — роман с сюжетом; “мистина, эротика, детектив”, в том смысле, в котором этим требованиям отвечают “Вий” и “Пиковая дама”. Это роман тайн и загадок... “Страх” — роман о невращении борхесовского читателя, того самого, который мнит себя важнее автора» (Лев Данилкин).

«Главная особенность Постнова в том, что он в отношении своих диковато-уютных фантазий безупречно стерилен: он, словно пузырек воздуха, помещенный в общую воду и оттуда, изнутри этого пузырька, рассказывающий о жизни, как она ему представляется» (Андрей Левкин).

Русский эмигрант случайно получает в бунинистической лавке в Америке странную рукопись в нескольких тетрадах. В этих тетрадах — целая жизнь в воспоминаниях. Начинается она с рассказов о детстве, когда московского мальчика отправляли на каникулы к деду в село под Киевом. Обычная деревенская жизнь, разве что с акцентированным вниманием к ритуалам, связанным со смертью и погребением. Скрываясь от ночных кошмаров, мальчик выбегает на улицу, где знакомится с соседской девочкой Антонией. Позже местная сумасшедшая старуха предвещает ему, что до самой смерти он будет «сохнуть» по Тоне. Так оно и выходит. Через всю жизнь он пронесет эту не любовь даже, а одержимость этой девичьей, девушной, женщиной. В этой одержимости — его судьба до самой смерти. Настоящий готический роман в духе Гоголя и Булгакова от новосибирского писателя Олега Постнова.

«Деревня жила тихой, ленивой жизнью, в укладе которой чувствовался труд веков. Из рассказов деда я знал, что это впечатление ложно, но опять-таки избегал уточнений. Мой образ реальности был дорог мне. Общественная жизнь, по моим наблюдениям, пробуждалась лишь на похоронах. Наша улица была центральной, потому любую процессию можно было увидеть, не выходя из ворот. Оркестр, всегда один и тот же, из соседнего села Мигалки, давал заранее знать о приближении траурного кортежа. Потропанный грузовик с венками и гробом полз впереди провожавших покойного, причем трубы оркестра заглушали мотор, но не могли скрыть вой собак, которым медь надрывала сердце. Дед степенно выходил осведомиться, кого именно хоронят, и так поступали все соседи. Обсуждались подробности. Смерть представляла в своем будничном, не слишком страшном облике (страшнее прочего для меня, как и для собак, был всегда оркестр), и это же подтверждал уютный, домашний вид кладбища. Кладбище было новое. Прежнее, с тощими крестами и почти без камней, давно обступила со всех сторон разросшаяся деревня, и его закрыли. Предприимчивые пейзане устроили на нем огород, между могил были грядки. Зато новое, на отшибе, у края леса, было пестрое, ухоженное, цоколь надгробий берегли кружева оград, всегда затейливых, окрашенных светлой, синей либо салатной краской, и пышный черный обелиск в начале главной аллеи, поставленный кем-то от большого снобизма или, может быть, от большой скорби, — он изображал покойного в полный рост, так что в сумерках мог напугать, — один выглядел здесь зловеще».

ЛЬЮИС КРОФТС, «ВЕНСКИЙ ГЕНИЙ ЭГОН ШИЛЕ» («ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА»)

«Издательский дом Мещерякова» теперь выпускает и взрослые книги тоже. Отдельный прецедент можно было счесть специальным проектом, но недавно о запуске нового направления было объявлено официально.

Вслед за романом об Амедео Модильяни выходит роман об Эгоне Шиле. Именно роман, потому что эта серия — не биографии в каноне «Жизни замечательных людей». Это скорее голливудские байопики о ярких творцах с мировыми именами и интересными судьбами.

Прожив всего 28 лет, Шиле остался одной из самых заметных и противоречивых фигур европейской живописи. Он с большим трудом поступил в Венскую академию изобразительных искусств, но так и не окончил ее. Зато нашел друга, наставника и покровителя в лице Густава Нлимта. В 1909 году работы 19-летнего Шиле участвовали в выставке Худож-

ственной галереи Вены вместе с полотнами Эдварда Мунна, Ван Гога и Климта. За головокружительным взлетом следовал оглушительный провал: обвинение в распространении порнографии, арест, бедность, когда он был вынужден продавать свои работы на улице. И новый взлет — с выставками по всему миру. После смерти Климта он мог бы стать главным художником Австрии, но судьба распорядилась иначе: Эгон и его беременная жена Эдит умерли от испанки.

«Когда родня Эдит ушла и она уснула, измученная вниманием, Эгон принялся писать ее. На два простых наброска улеж у него ушло целых три дня. С лица Эдит сошла вся краска — остались только черты, лишённые цвета, румянца, утратившие оттенки красного и голубого, игравшие когда-то на щеках и губах. К рассвету Эгон сложил листы возле шезлонга и вышел в кухню, налить себе стакан рома. Вернувшись в мастерскую, он развинтил мольберт на части. Натянул одеяло на жену до самой шеи, а потом затопил дровяшками печь в углу комнаты.

Пандемия распространилась по центральной Азии, вырывая сердца у целых армий, оставляя за собой тела, содрогавшиеся в грязи, и двинулась дальше, по городам и городишкам, опустошая и деревни, и целые городские кварталы, круша каждую семью или ферму на своем пути. Добралась она и до улиц Вены, где царили голод и холод, и охватывала дом за домом, без разбору поражая легкие богачей и бедняков, живых и еще не рожденных».

Новинки детской и подростковой литературы

ЭРНСТ ГОМБРИХ, «МАЛЕНЬКАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН X АЛЬПИНА.ДЕТИ»)

Гомбрих — величайший британский историк и теоретик искусства, автор десятков книг, ставших мировым наследием. Он умел рассказывать об искусстве как никто другой. «Маленькая всемирная история» — первая книга исследователя. Изначально написанная по-немецки и изданная в 1936 году, с тех пор она выходила на многих языках. Теперь и по-русски, причем не в изначальной, а в дополненной версии, включающей и события середины XX века. Красивая, со множеством цветных иллюстраций книга — краткое изложение мировой истории в сорока главах от каменного века до атомного. Начиная с вопроса, что есть история, Гомбрих рассказывает о вавилонской башне и реформах Эхнатона, раскопках Шлимана и индийской настовой системе, нагорной проповеди Христа и основании Константинополя, гуннах и вестготам, каролингах и меровингах, Тридцатилетней войне и основании Петербурга, всевозможных Людовиках и революционном трибунале, бидермайере и Парижской коммуне, Первой и Второй мировых войнах. Книга, которая одинаково захватит и взрослых, и детей. И полезна будет и тем и другим.

«Однажды в Гейдельберге вырыли глубокую шахту. И в ней, глубоко под землей, нашли человеческую кость, нижнюю челюсть. Сегодня у людей не бывает таких челюстей. Она очень твердая и прочная. И зубы в ней очень большие. Тот человек, которому принадлежала эта челюсть, мог очень сильно кусаться. И он, наверное, жил очень давно, потому что его челюсть нашли глубоко под землей!»

В другом месте в Германии, в Неандертале, однажды нашли человеческий череп. Черепную коробку человека. Можешь не пугаться, это была очень интересная находка. Дело в том, что таких черепов сегодня тоже ни у кого нет. У этого человека практически отсутствовал лоб, но зато были большие утолщения над бровями. Но за лбом у нас находится то, чем мы думаем, и раз у него не было лба, наверное, он плохо думал. Любая мысль, должно быть, давалась ему тяжелее, чем нам. Когда-то давным-давно жили люди, которые соображали хуже нас, а кусались лучше. Так решили люди, нашедшие этот череп, и какое-то время все так считали».

АНДРИ СНАЙР МАГНАСОН, «ЯЩИК ВРЕМЕНИ» («ГОРОДЕЦ»)

Возможно, вы заметили, что в мире происходит черт-те что. В книге Магнусона тоже, даже, пожалуй, еще хлеще. Потому что люди в какой-то момент решили, что с них довольно и нужно переждать. Лучше всего для этого подошли специальные черные ящики времени, в которых можно пересидеть до наступления лучших времен. Остались только несколько детей и старая женщина, ящики которых почему-то открылись. Теперь им нужно попытаться разобраться в том, что случилось с миром. Перспектива пересидеть неблагоприятный период не старея весьма заманчива, но за ту возможность, как за все в жизни, приходится платить. Мир Магнусона абсурден, сказочен, ирреален, но именно такой сеттинг позволяет заключить героев и их проблемы в вакуум, поставить вопросы прямо и бескомпромиссно, без малейшей возможности на «да, но все же...». Подростковая книга о личной ответственности и смелости, о взаимоотношении человека с временем и попытках его подчинить.

«Он несся по вымощенной камнем дорожке сквозь темный лес, так хорошо знакомый ему, но там, где должен был открыться вид на светлый, сверкающий город, было лишь глубокое бурное море. Он заглянул в зияющие городские ворота – но они вели в пустоту. С краев разлома осыпались камни, из отвесной скалы торчали корни деревьев, словно руки утопающих. Конь отступил назад, ржа и вставая на дыбы, и Тимон удержал равновесие на обрыве. Он тер глаза. Там должен был быть замок, там – цветущий город, дым из труб, оттуда должны были раздаваться крики торговцев, детский смех и пение монахов. От воды скверно пахло, и ему не хотелось думать, от чего эта вонь. Тимон поморщился и заскрежетал зубами. Ему вспомнилось пророчество старухи с севера, которая прыгнула в прорубь с криком: “Энантиодромия! Время сотрет тебя в порошок!” Она была заодно с теми гномами? Время, проклятое время!»

ДЖОВАННА ДЗОБОЛИ, МАРИАНЬЯРА ДИ ДЖОРДЖО, «СУП СИНЬОРА ЛЕПРОНА» («ЛАСКА ПРЕСС»)

Дети любят кроликов — это давно всем известно. Кролики пушистые и очень забавные. Книжка про кроликов с прекрасными детально прорисованными иллюстрациями — это всегда беспроегрышно. Синьор Лепрон — очень серьезный кролик, который любит овощи и варит из них фантастически вкусный суп. Раз в год, в первый день осени, кролик вместе с детьми, внуками и правнуками варит его в своей норке. И видит сны о том, как однажды его суп станет знаменит на весь мир. А мечты, как известно, имеют свойство сбываться. И вот весть о знаменитом блюде разносится все дальше и дальше, все больше зверей и людей хотят попробовать блюдо, которое не удастся повторить никому. Фабрика по производству супа становится целой империей, теперь суп варится в ней круглые сутки, но мечты — а вместе с ними и сны — пропали. Синьор Лепрон разучился радоваться жизни, и его коронное блюдо потеряло свой вкус.

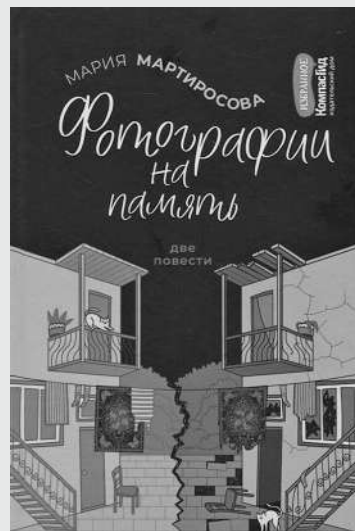
Это сказка о том, как важно уметь мечтать, но при этом не позволять своей цели полностью подчинить себя, оставить в своей жизни то, что приносит радость, уделять время близким. Кстати, у книги есть побочный эффект: после прочтения дети обязательно попросят сварить им овощной суп и повесят постер с изображением синьора Лепрона (вложен в книгу) на стену комнаты.

«Однажды летней ночью, сидя под луной, синьор Лепрон наконец-то возвращается мыслями к тому единственному супу, который ему хочется готовить – раз в год, в первый день итальянской осени, 21 сентября.

К супу, который варится в кастрюле, не признающей соседства, супу из лучших овощей, супу, который кипит под сладкие сны, – сны, которые просто сны. И прекрасны тем, что помогают супам стать вкуснее. Один раз в год».

ВИЛЬДЕ НАМФЬОРД, РУНЕ МАРКХЮС, «НАКРИВИН Н ДОМУ» («ПОЛЯНДРИЯ ПРИНТ»)

Нужно ли говорить с детьми на трудные и болезненные темы? Сложно, но бывают ситуации, когда приходится. В таких сложных разговорах очень помогают книги. Повесть Вильде Намфьорда с иллюстрациями Руны Маркхюса написана в форме диалога. Перед нами двухчасовой разговор

случайных попутчиков в поезде, следующем в Лиллехаммер: молодой женщины Бритты и девочки со странным именем Эрне.

Иногда соседу по креслу в поезде открыться и рассказать что-то важное гораздо проще, чем близкому человеку. К тому же Эрне боится тишины и слишком взволнована: она впервые едет в город, где когда-то жила, одна. И никто, кроме ее лучшего друга Рональда, об этом не знает. Вильде Намфьорд написал историю о том, как человек в детстве впервые сталкивается со смертью близкого человека, как взрослые за своим страшным горем не замечают того, что гнетет ребенка, который еще много не понимает, но чувствовать умеет уж точно не хуже их. О том, как всепоглощающая детская любовь не помнит предательства — вольного или невольного, как можно быть настоящим суперменом, даже если костюм тебе уже немного мал. А взрослые оказываются вовсе не всемогущими, порой они могут сделать даже меньше, чем дети. И в эти моменты очень важно быть вместе: чтобы им подсказали.

«— Кстати, Рональд тоже провожал меня домой каждый день — прямо как твоя Фредерик. Хотя Рональд живет у самой школы. Он говорил, что ему все равно по дороге, если идти накривик.

— Хорошо сказано — “накривик”.

— Это выражение такое».

МАРИЯ МАРТИРОСОВА, «ФОТОГРАФИИ НА ПАМЯТЬ» («НОМПАСГИД»)

В серии «НомпасГид. Избранное» продолжают выходить важные книги для детей и подростков, которые издавались несколько лет назад, но с тех пор выросло новое поколение читателей. В эту книгу вошли две повести Марии Мартиросовой. Заглавному тексту в этом

году исполнилось десять лет. Писательница рассказывает о том, как война вторгается во все сферы жизни, оставляет свой страшный отпечаток на всем, в том числе мире детских игр и дружбы. Два временных пласта усиливают этот контраст. Начинается повесть в послевоенные годы в Баку. В середине XX века для мальчишек во дворе национального вопроса не существовало вовсе. Авторитет и место в дворовой иерархии равно нужно было зарабатывать и Алину Самедову, и Витьке Снворцову, и Сейфали, и Гарину: нулаками и умением играть в футбол. А вот в конце 1980-х, после конфликта в Нагорном Карабахе, детские компании и детские игры уже совсем другие. Мир разделился на своих и чужих, и в этом мире нынешним школьникам предстоит жить. Вторая повесть сборника — «Красные, желтые, синие» — освещает тот же конфликт с другой стороны. Так создается панорамная картина, автор показывает, что нет стороны зла и стороны добра, есть люди, которые оказываются в заложниках большой политики. Но это книга не о политике, это книга о частных судьбах и большой трагедии целого поколения.

«— Она же армянка! — сидя на полу, отчаянно орет Джаваншир. — Армянка, понимаешь?! Эрмяни!»

А новенький — беженец из Армении — молча дубасил Джаваншира, не давая тому встать на ноги. Потом повернулся к застывшему Руслану и хрипло произнес:

— Они тоже нас так... Папа били, сестра в школу не пускали. "Азеры" называли... А мы что сделали? Ничего мы не сделали. И она тоже ничего не сделал, — новенький молча подошел к моей парте, собрал книжки, засунул в портфель».

**МИРИАМ УЭССАД, АНЯ КЛАУС, «ХРАНИТЕЛЬ ДЕРЕВА»
(«ПОЛЯНДРИЯ ПРИНТ»)**

Это третья книга серии «Р.Арт» — после «Большой волны» (вдохновенной Хонусаем) и «Нистей для Фриды» (о Фриде Нало). На этот раз в центре внимания автора и художника работа Густава Климта: эскизы к мозаичному панно в столовой дворца Стокле в Брюсселе. Сам дворец недоступен для посещения, но эскизы, выполненные темперой и маслом в 1910–1911 годах, находятся в Музее прикладного искусства Вены. Как во всех книгах серии, центральный персонаж здесь — неповторимая манера художника. Задача серии — научить ребенка вниманию к деталям, интерпретации живописных произведений, познакомить его с выдающимися мировыми шедеврами и их создателями. Каждая книга — это история, одна из возможных интерпретаций знаменитого полотна.

Старая мудрая Миноя незадолго до смерти передает мальчику Джалилю единственную в мире косточку дерева, которого нет. Мальчик знает, что сохранить косточку гораздо легче, чем растение. Но соблазн вырастить уникальное дерево очень велик. «Хранитель дерева» — это роман об Ожидании, Древе жизни и Упоении — все в соответствии с названиями частей триптиха Климта.

«Год за годом Джалиль берег косточку как зеницу ока. Он понял, что Миноя была права: сберечь косточку куда проще, чем дерево. И Джалиль стал готовиться.»

Он приручил сокола, чтобы тот отпугивал животных, которые могут приблизиться к дереву. Обучив сокола, Джалиль отправился в путь. Он удалялся от городов, перебирался через горы. Он понимал, что единственное дерево нужно спрятать подальше от любопытных глаз.»

**ВИКТОРИЯ ЛЕДЕРМАН, «УДИВИТЕЛЬНАЯ ДЕВОЧКА»
(«НОМПАСГИД»)**

Сборник рассказов для дошкольного и младшего школьного возраста от известной детской писательницы, автора множества книг, в том числе «Налендаря ма(й)я» и «Теории невероятностей». Истории про Софию точно понравятся читателям, которые уже знают и любят Дениску Нораблева Виктора Драгунского и фантазеров Николая Носова, Манюню Нарину Абгарян и Натю с Манечной Ирины Пивоваровой. Веселые, добрые и очень увлекательные истории для тех, кто только начинает читать самостоятельно. Истории об удивительной девочке, потому что для любящих родителей каждый ребенок — удивительный и неповторимый. Книга о приключениях, шалостях, дружбе и огромной любви, в которой растет рыжая хулиганка.

«— Я сделала все, как ты меня учила. И “пожалуйста” сказала, и по очереди покатайся предложила. И обещала с ним поделиться в выходной. А он... как треснет. Меня по голове своей ледянкой! Ну, я его и повалила в снег...»

— Придется носить нашу ледянку в детский сад, — решила мама. — Или обходить эту горку стороной, пока Софийка не поймет, как нужно договариваться с людьми.»

— Я-то как раз поняла, — подумала Софийка. — Но разве можно договориться по-хорошему, когда другая сторона хочет драться?»

ВООБРАЖЕНИЕ О ПРОШЛОМ

О РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Евгений Водолазкин написал роман о памяти. О памяти как мощнейшем инструменте — и величайшем проклятии. В романе «Чагин», названном по имени главного героя, четыре части. И четыре рассказчика, каждый со своим взглядом на образ центрального персонажа. Попробуем разобратся в том, как устроен этот текст.

Название — фамилия героя — вписывает книгу в классическую романную традицию русской классики XIX века: «Обломов», «Рудин». Любопытны два совпадения: незадолго до «Чагина» вышел роман Лены Элтанг «Радин», а первая часть романа Эдуарда Вернина «Снарк Снарк» и вовсе называется «Чагинск». Вот уж воистину коллективное бессознательное. Вспоминается, конечно, и реальная историческая фигура — издатель и друг Есенина Петр Чагин, который возглавлял в разные годы Гослитиздат и «Советский писатель». Впрочем, и это, по утверждению Евгения Водолазкина, просто однофамилец его героя (с которым у него, помимо фамилии, совпадают — правда, перекрестно, — инициалы: Петр Иванович и Исидор Пантелеевич).

Рассказчик в первой части — Павел Мещерский, который работает с Дневником мнемониста (причем мы с самого начала знаем, что Дневник уже утрачен и Павел — последний, кто его читал) в бывшей квартире Чагина. Когда Мещерский впервые ночует в квартире Исидора, по крыше кто-то ходит. В полусонном сознании героя мелькают разные образы, в том числе сам Чагин — подобно тени отца Гамлета, он становится воплощением сознания Мещерского, его доппельгангером. Мещерский, выступающий нарратором в первой части, отождествляет себя с Чагиным. Когда незнакомка принимает его за Исидора, он отвечает: «Я, видите ли, умер». Да и в биографиях двух этих персонажей немало пересечений. Жизнь Исидора влияет на жизнь Павла, и наоборот, это подчеркивает структура первой части романа — чередование эпизодов жизни Павла и чтения

им дневника Чагина. Это взаимное влияние всего и вся еще не однажды возникнет в тексте, автор как никто умеет отрабатывать заявленные в книге приемы по полной, но об этом чуть позже.

Система двойников центрального героя в романе весьма разветвленная — еще один прием (на этот раз в системе образов), доведенный Водолазкинским до предела. Помимо Павла Мещерского, это:

1. Генрих Шлиман. Вместе с легендой для внедрения в шлимановский кружок Чагину вручают биографию археолога. И сам Исидор усматривает параллели в их судьбах: трудное детство, первая любовь, выдающаяся память. Сам Чагин воспринимает себя как реинкарнацию Шлимана, как его двойника. Интересно, что Шлиман, тоже обладавший феноменальной памятью, при этом был максимально ненадежным свидетелем и рассказчиком, поскольку был патологически лжив. В своих дневниках он не фиксировал события, но творил миф о себе. «Память лишь воспроизводит события, а Дневник их осмысливает». Николай Иванович говорит: «Я, замечу, не фаталист каной и не верю в окончательную предопределенность жизни, но дерзновенно полагаю, что усилием воли человек эту самую жизнь способен изменить — хотя бы в небольшой степени. Начало же изменению — идея. Проще говоря, представление об ином экзистенсе — пусть даже в форме придуманной биографии, чем нам, собственно, и дорог Шлиман».

2. Руководитель шлимановского кружка Вельский. Работая копировальщиком в библиотеке, он, как и Исидор, не продуцирует знание, а создает с него копии. Такой копией была и курсовая Чагина.

3. Даниэль Дефо. Обсуждаемый на заседании кружка доносчик и интриган. «Любое творчество — своего рода оправдание». «Робинзон Крузо» оправдал интриги Дефо. Дневник Исидора должен оправдать его доносительство, «мутную, заворачивающую поэзию измены».

4. Николай Петрович, один из сотрудников «городской библиотеки». В свободное время он вырезает из дерева маски. А на работе изготавливает другие — придумывает легенды и прикрития. Символический жест: человек, придумавший Чагину легенду, дарит ему одну из масок.

5. Близкий друг Исидора актер Григоренно (Григ). Антеры тоже учат чужой текст и вживаются в «легенду» — в роль. Н тому же на определенном жизненном этапе они встречаются с идентичными близнецами Тиной и Диной.

6. Альберт. Оба они с Исидором доносчики, только один сомневающийся, а другой — в крайней степени упивающийся и антерствующий.

Исидор Чагин — человек без свойств, он принимает свойства обстановки или окружающих его людей: «Снимок с военных сборов. Исидор, оказывается, был лейтенантом запаса. На фотографии — настоящий военный. Взгляд решительный, четко очерченный подбородок... Исидор с Верой — герой-любовник: вряд ли она могла бы полюбить Чагина времен Архива. А вот он с Вериными племянниками (запись на обороте) — воплощенная любовь к детям. На овощебазе. Что-то в лице Исидора здесь неуловимо овощное, даже стручнообразное».

Чагин, обладая суперспособностью, исследует феномен памяти. Первая его курсовая называется «Марксистско-ленинское понимание памяти», и именно так впервые обозначается его интерес к теме, он впервые задумывается о том, всегда ли он мог запоминать большие объемы информации. Вторая курсовая — «Разоблачение буржуазных

философских представлений о памяти» — сыграла с ним злую шутку. Чагин *забыл*, что запомнил наизусть и воспроизвел в работе книгу университетского профессора Спицына. Но при разбирательстве идеологическая взвешенность текста одержала верх над плагиатом.

Что же эти буржуазные теоретики категории памяти, о которых могла бы идти речь в работе Чагина? Прежде всего, конечно, Эмиль Дюркгейм, Морис Хальбвакс и Ян Ассман. Ассман называет живую, личную память коммуникативной памятью, это память, основанная на устных воспоминаниях и бытующая обычно в трех поколениях: деды — отцы — дети. Это продолжение и развитие теории Хальбвакса об индивидуальной и коллективной памяти, который, в свою очередь, опирался на идеи Эмиля Дюркгейма.

Воспоминание не сводится к мнемонической практике (как у Чагина), оно сродни воображению, только это воображение о прошлом. Уволенный из университета Спицын работает над книгой «Мнемонист» — о том, как усложнялись задания и велось исследование способностей Исидора. Следуя опытам Лурии и Выготского, он делает вывод, что воспоминания располагаются не в вакууме, а в определенной пространственной последовательности с привязкой к фону. То есть запоминаемые символы (любые, как показывает опыт Чагина) находятся в лишенной смысла связи с объектами в пространстве. Запоминание и воспроизведение никак не связаны с осмыслением — наоборот, как только включается хоть минимальное осмысление (случайное совпадение набора символов с другим набором), система дает сбой. Восприятие Чагина синестетично: цвет связан для него со звуками и запахами.

Каждый символ — цифра, буква, слово или их комбинация — перекодирована мнемонистом заново, присваивается, становится не вещью в себе, но личным делом Чагина. Это то, о чем пишет Алексей Лосев:

«Когда я понял, что сумма углов треугольника равняется двум прямым углам, я почувствовал в этом нечто свое личное, бесконечно родное, чего никто у меня не отнимет» («Из бесед и воспоминаний»).

Но эта же синестезия влечет за собой очевидные побочные явления: поэзия и абстрактные высказывания не могут быть восприняты Чагиным в отрыве от образа.

Евгений Водолазкин в своем романе дает героям цветовые характеристики. Исидор по поздним воспоминаниям о нем носит только серую одежду и говорит «бесцветным» голосом, работает архивистом — то есть максимально незаметным, непубличным человеком. Однако впоследствии мы узнаем, что и образ его жизни, и внешний облик существенно менялись в течение жизни. Его суперспособность — феноменальная память — максимально оттеняет эту «серость». Николай Иванович и Николай Петрович, сотрудники «городской библиотеки» — «коричневые»: «...одного от другого отличали отчество и цвет волос (Николай Петрович был чуть светлее), в то время как объединял их цвет глаз — по определению Чагина, грязно-коричневый. Если верить Дневнику, такими же были их плащи и папки». Коричневый цвет несет в себе множественные коннотации, помимо чисто физиологических, следует вспомнить, что и фашизм называли «коричневой чумой».

Уволенный профессор университета Спицын, к которому Чагин заходит в гости, маркирован красным (что интересно с точки зрения советской парадигмы): у него темно-красный фартук, шторы, скатерть.

Вторая часть — наиболее, пожалуй, странная, с сюжетным вывихом в конце, написана от лица сотрудника «городской библиотеки» Николая Ивановича, который после травмы обнаруживает страсть к изящной словесности. Николай Иванович рассказчик весьма ненадежный, он сам признается, что может что-то и позабыть, и перепутать. К тому же склонен к художественному вымыслу, к «нас возвышающему обману». В этом смысле он когнитивный антипод Исидора. Но именно в этой линии, помимо героев-двойников, возникают города-двойники. Чагин в рассказе Николая Ивановича ищет общее между Лондоном, Ленинградом и Иркутском. Исследование это в целом бесполезное, но на деле именно в нем, Чагине, это общее: родной Ленинград, псевдородной (по легенде) Иркутск, Лондон, где он находится с заданием. Солипсизм в действии: общее у городов оказывается внутри смотрящего: «И в Лондоне, и в Ленинграде голова следящего за водоворотами начинает кружиться. Руки его цепляются за перила моста, и на глазах прохожих наблюдатель не торопясь съезжает на асфальт. Прохожие (и там, и тут они в мокрых дождевиках) хватают потерпевшего под руки и сводят с моста на набережную... Однако же самые сильные водовороты встречаются на Ангаре — рене полноводной и быстротечной».

Человек оказывается способным не только запоминать и воспроизводить события реальности, но и влиять на них. Повторение слов может вызвать повторение событий, потому что в начале было Слово.

По словам Николая Ивановича, в одном из донесений Чагин признается ему, что уже и сам не может отличить того, что на самом деле было с ним, от вымышленного. Так звучит тема поиска собственного «я», ставшая основной и в недавно вышедшем романе Александра Иличевского «Исландия». Герой «Исландии» сдал в аренду Всемирной организации вычислительных мощностей часть своего мозга. Через кремниевую капсулу теперь его сознание напрямую подключено к Всемирной сети,

и он не может отделить собственные воспоминания от скачиваемой из Сети информации. Примерно то же самое происходит и с Чагиным, только он закачивает чуждую информацию иным способом.

Любопытно, что, варясь в своем безумии, Николай Иванович тем не менее доходит до важных философских открытий. И эти открытия имеют особую ценность, потому что они личные, собственные, не присвоенные: «Если отвлечься от мимотенущего времени и сосредоточиться на вечности, то события — *всегда*. Они существуют вне времени. Лежат, словно на складе, серые или, скорее, лишенные цвета, в ожидании своего часа. Когда же приходит некий человек и делает свой выбор, они наливаются жизнью и цветом. Только так и можно примирить свободу человеческого выбора и всеведение Господа». Бог, таким образом, создает события *вообще*, то есть имманентно. Создает общую матрицу. Божественное проявляется в материальном мире. Человек же, делая выбор, присваивает (снова Лосев!) себе то или иное событие, переживает и познает его как личный опыт. Из множества таких личных опытов строится целостное сознание — процесс, который Иммануил Кант назвал трансцендентальной апперцепцией.

Третья часть, нарратор в которой друг Исидора актер Эдвард Григ, повествует о событиях после Дневника. Григ упоминает, что Чагин — чеховский герой. Основной его конфликт и главная трагедия — не в каких бы то ни было событиях. Это конфликт между тем, как сложилась жизнь и как мечталось. Но в этом смысле такие же чеховские персонажи и Николай Иванович, и Вера, и сам Григоренко. Роман Водолазкина наполнен чеховскими героями.

Именно в этой части тема двойничества деконструируется Евгением Водолазкиным, но прежде возводится в абсолюте. Цирковые артистки близнецы Тина и Дина абсолютно идентичны. Но по условиям контракта им запрещено где бы то ни было появляться вместе и выглядеть одинаково. Воля человека вторгается в природу вещей и меняет ее.

Иллюзия и обман в романе играют важную роль. Помимо Шлимана и легенды Чагина, это и его сфера работы до архива — эстрада. Это место, где царят иллюзии. Он работает среди специалистов по ловному обману: «Фонус, взятый в его нецирковом измерении, стал протестом бытия против двойничества. Сам того не ведая, Нукушнин возвращал миру божьему естественный порядок вещей. Этот порядок предусматривал единственность всего сущего на свете».

Еще одна вариация двойничества и параллелей — жизненные рифмы. Когда Исидор устраивается в архив, ему поручают заниматься письмами Генриха Шлимана к Генриху фон Краузе. Эта переписка даст Чагину ключ к забыванию как высшему благу.

Одним из ключей к смысловому полю романа служит «Легенда о Шлимане» поэта, прозаика и переводчика Виктора Шнейдера, в которой есть такие строки: «Как говорят, фальсификатор Шлиман, так до скончания дней и не узнавший, что все его поддельные находки, им выданные за останки Трои, и в самом деле были таковыми...»

Вымысел моделирует реальность, даже если создатель вымысла об этом не догадывается.

В четвертой части роман (обойдемся без спойлеров, если к понятию большой литературы такой термин и вовсе применим) окончательно слетает с петель. Все происходит вроде бы одновременно, но на деле логично раскладывается по собственным временным отрезкам. Однако

событие рассказывания моделирует реальность и возвращает события прошлого в настоящее. Потому что память — создательница прошлого.

«Чагин» Евгения Водолазкина — совершенно отдельный и самостоятельный роман, который, однако, крепко держится смыслово и тематически за другие его книги. Время, память, забвение — категории, которые продолжают интересовать опытного исследователя человеческих душ и сюжетных построений. Нам получается, что темы, «разъятые, как труп», в каждой новой книге звучат по-новому, наверное, можно разобраться. Но не хочется: пусть в этом остается загадка и волшебство большой литературы, в которой можно сколь угодно долго обсуждать отдельные элементы, но в целом все равно получается Чудо.

